

АШИРА ХААН

Рождество *в Лондоне*
Новый год *в Москве*

Ашира Хаан

Рождество в Лондоне, Новый Год в Москве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68606685

SelfPub; 2022

Аннотация

Если встретить в предрождественском Лондоне бывшего одноклассника, ставшего миллионером – не чудо, то что же тогда чудо? Но поцелуи под омелой и секс под елкой еще придется заслужить! В меню Лондон и Москва, красивые мужчины в ассортименте и много-много новогоднего настроения (и виски)!

Ашира Хаан

Рождество в Лондоне, Новый Год в Москве

– Коркина, это ты? – изумленный мужской голос. Незнакомый.

«Допустим, Семенова», – мысленно поправила я, отвлекаясь от ошеломительного зрелища взмывающего в небо Биг Бена. Господи, я в Лондоне! Никогда бы не поверила, что увижу эти красные телефонные будки, двухэтажные автобусы, мост через Темзу и Биг Бен не только на обложках учебников английского, а прямо живу! Да еще и перед Рождеством, когда на улицах сияют огни, в универмагах распродажи и все пьют пряничный латте из стаканчиков с Санта-Клаусом и улыбаются! Это все настоящее чудо!

Но уж точно не ожидала, что в момент исполнения мечты меня окликнут по девичьей фамилии. В сердце Соединенного Королевства, максимально далеко физически и морально от Амурска, где я в последний раз носила эту самую фамилию.

Я обернулась и увидела удивленного мужчину, который меня окликнул. Очень красивого мужчину: высокого, с темными волосами, зачесанными назад так, что только одна прядь провокационно падает на лоб, с тонким носом, остры-

ми скулами и скульптурной линией челюсти. В хорошем костюме – может быть, даже очень дорогом, я не разбираюсь. Но сидел он на нем отменно, подчеркивая разворот плеч, широкую грудь, переходящую в стройную талию, узкие бедра и длинные ноги. Некоторое время я тупо смотрела на него, совершенно не понимая, откуда он знает мое имя. А его белоснежная чертовски обаятельная улыбка постепенно таяла на тонких губах.

– Я Коля. Коля Петров, – уточнил он как-то грустно. – Не помнишь?

Что?!

Я закрыла глаза, потрясла головой и снова открыла, пытаясь вернуть реальность на место. Биг Бен это офигенно, но неужели сбывшаяся мечта сдвинула мир так сильно, что я встретила в Лондоне ошеломительно выглядящего Кольку Петрова? Парня из моего двора, с которым мы ходили за ручку в третьем классе и везде писали «Катя+Коля=Любовь»? Как он меня вообще узнал-то? Я вот его нет.

Сейчас присмотрелась, конечно, и начала находить знакомые черты. Он учился в параллельном классе и у меня была общая фотография всего выпуска, где он стоит в заднем ряду, бледный как вампир, вот так же зачесанными волосами, сложив на груди руки и с высокомерным презрением смотрит в объектив.

Но как он узнал меня?!

– П-п-привет... – проблеяла я наконец. – Кажется, действительно я...

Улыбка вновь вернулась к нему. Он вдруг меня обнял и закружил:

– Слушай, Коркина, ты меня так напугала! Я уж решил, что обознался и пристал к честной англичанке. Не представляешь, как я рад тебя видеть! Вы вроде собирались на встречи выпускников, но я совсем никак не мог вырваться, вот край. А теперь, когда свободен, ни одна сволочь не хочет побухать в честь выпуска-97! Не лететь же теперь в Амурск и не вылавливать вас по одному! Небось по всему миру разлетелись! Я вот... здесь. А ты?

И он выпустил меня, но продолжал держать за руки и смотреть сияющими глазами, совершенно наплевав на то, что мы мешаем проходу людей на тротуаре. Британцы что – они вежливые, обходят аккуратненько, смотрят возмущенно, но никто, вообще никто ничего не говорит. Вот она, английская вежливость.

А с чего вдруг Колька так мне обрадовался, вообще не понимаю. Мы с ним не общались толком. Ну потанцевали на выпускном, так там все со всеми танцевали, по-моему, никто не ушел обиженным.

– Я в Москве, – покаялась. – Сама ни на одной встрече не была. Прямо в тот же год уехала и с тех пор домой не возвращалась.

Сказала – и сама поразилась, что назвала Амурск домом. Какой уж там дом, двадцать лет прошло, а вдруг выскочило.

– Я слышал про твоих родителей, соболезнаю, – улыбка вновь сползла с лица Кольки. – Но потом потерял тебя из виду. Слушай, Коркина, а ты занята сегодня? Давай закатимся в паб и нажремся как следует! Будет совершенно правильная встреча выпускников, Лондон-эдишн на малое количество народа! В фейсбуке вроде школьная группа есть, запостим туда фотки, пусть завидуют!

Он дернул меня за руку, такой счастливый, что я прямо не устала скрывать недоумение.

– Слушай, давай уже с прохода отойдем, а то мешаем людям, – предложила я.

– Ох! – он вдруг огляделся, как будто впервые увидел вокруг толпы народу и тут же начал извиняться перед всеми, кто нас огибал: – Сорри, сорри, сорри... Коркина, пошли, у меня тут машина, проедемся до офиса, я кое-какие дела закончу и сразу в паб, хорошо?

И я даже не успела возразить, как он поволок меня к дороге, где стоял блестящий мерседес S-класса, за рулем которого нервно оглядывался седоватый шофер.

– Это твоя? – обалдела я.

Ну вот только лондонского олигарха в бывших однокласс-

никах мне и не хватало!

– А что? – обернулся он, открывая мне заднюю дверь. – Садись быстрее, тут стоять нельзя, Дэвид меня просто убьет сейчас своим взглядом!

Я запрыгнула внутрь, Колька пробежался и залез в машину с другой стороны и мерседес тут же рванул с места, очень быстро, но очень нежно, так что я почувствовала только ускорение.

– Слушай, Коркина, я тебя не отвлек ни от чего? – Петров вдруг схватил меня за руку и проникновенно посмотрел в глаза, словно признаваясь в любви. Такая была роскошная сцена из мелодрамы – высокий британский красавец в салоне дорогого автомобиля признается в чувствах весьма растрепанной женщине в дешевом пуховике. Потому что она не рассчитывала на такую встречу и оделась так, как теплее гулять по городу в промозглые лондонские +2.

– Во-первых, все-таки Семенова! – наконец поправила я его. – Во-вторых, нет, я просто гуляла, но я в Лондоне еще на неделю и до Вестминстера успею добраться. Пабы у меня тоже были в планах и я готова переместить их на сегодняшний вечер. Но я совершенно не понимаю, как ты умудрился узнать меня в толпе!

– Семенова? – он даже руку выпустил. – Так ты замужем? И начал озираться, как будто следом за мной в машину мог незаметно пролезть муж.

– В разводе, – уточнила я. – А ты-то какими судьбами та-

кой роскошный мужчина стал?

Он неожиданно повеселел и снова завладел моей рукой. Смотрелось это странно, но он кажется был вполне уверен в том, что делал.

– Я после института женился на англичанке, переехал сюда и замутил свой бизнес. А он как возьми, да как взлети! Сам не ожидал! – жизнерадостно признался Петров. – Ты не обращай внимания, сегодня просто переговоры были, я обычно менее пафосный чувак. Слушай, а давай ко мне заедем, я переоденусь в нормальное и на подземке поедем по пабам, мне Дэвид своим укоряющим видом все удовольствие портит. Ты не против? Тут быстро.

И он снова обаятельно мне улыбнулся. Так щемяще и светло, как тогда в детстве, когда мы играли в любовь, но радовался он мне по-настоящему и все искал, что у нас общего. Интересно, почему мы потом так и не общались? Совершенно не помню.

– Да, конечно давай! – кивнула я и откинулась на кожаные сиденья кремового цвета. Приборная панель у мерседеса была из дерева, руль в какой-то особой оплетке, так что кроме того, что модель дорогая, она еще и навороченная. А мне говорили, что в Лондоне не принято понтоваться и даже главы корпораций часто ездят на метро. Видимо, можно вывезти мальчика из Амурска, а вот Амурск из мальчика...

– Расскажи же! – Петров элегантно закинул ногу на ногу и

скрестил длинные пальцы на колене. – Где училась, как там замужем, есть ли дети, почему развелась, кем работаешь, как тебя занесло в Лондон?

Я попыталась сесть так же элегантно, но в джинсах и пуховике это выглядело не настолько эффектно. И голова со вчерашнего дня не мытая. И жарко уже, обогрев включен, взмокну сейчас как свинья. И наверняка он страшно гордится своим положением, надо бы тоже поспрашивать.

– Училась в педагогическом, ну, знаешь, институт благородных девиц наших дней. Муж не хотел, чтобы на меня чужие мужики пялились.

– Я его понимаю, – серьезно, но со смешинками в глазах сказал Петров.

– Эй, твоя жена небось Оксфорд закончила!

– Сент-Мартинс вообще-то.

– Не слышала о таком, – озадачилась я.

– Тоже понтовое место, уверяю тебя, – снова светло улыбнулся Петров. – Продолжай!

– Детей нет, замужем скучно, развелась потому что... Ну, почему люди разводятся.

– Понятия не имею, я пока не разводился, – снова улыбнулся Петров. – Повезло.

– О, то есть ты познакомишь меня с женой? – я тут же напряглась. Приличная английская леди из «тоже понтового» университета конечно вряд ли что-нибудь скажет, но подумает много чего! Испорчу еще своему бывшему однокласс-

нику имидж.

– Нет, они с детьми и тещей улетели на месяц на Кипр, и я пока наслаждаюсь холостой жизнью! Хорошо что тут Найтсбидж, а не наша деревня и никто не заложит, что я тут же начал водить к себе очаровательных девушек!

Мне как-то стало не по себе. Черт его знает, вдруг в его картину встреч с одноклассниками обязательно входит секс с подругами дней суровых. Но уточнить я не успела, машина затормозила у одного длинного дома или ряда домов, слепленных вместе. Это и есть таунхаусы, видимо? Район хороший, я вчера гуляла тут неподалеку в Гайд-Парке, наверное, дорогой дом.

– Идем, я Дэвида отпущу пока.

Я выбралась из уютного кожаного нутра мерседеса и тут же принялась топтаться как бедная родственница у дверей, пока Петров разговаривал со своим шофером. Наконец и он вышел и с удивленным видом направился ко мне:

– Ты чего не заходишь? Открыто же.

И сам распахнул мне дверь. Я зашла как в музей. Потому что даже по неброским в мелкий цветочек коврам на полу – светлым! В коридоре! – и деревянным панелям на стенах было видно, сколько тут все стоит.

У Петрова запиликал телефон, он чертыхнулся по-английски и ответил. Дальше его язык взял такой лихой темп,

что я бы даже подслушать не осилила. А ведь думала, что свободно говорю на английском! Ну и он усвистел куда-то вглубь дома, а я несмело прошла в большую светлую гостиную.

Совершенно непритязательную. Ну стеклянный буфет, ну диван блекло-бирюзового цвета. Ковры опять – восточные, даже не знаю, как Колька после Амурска может без дрожи смотреть на их до боли знакомые узоры. Я вот не могу. Если мне выдать такой дом, я все срою до бетона и сделаю стерильно-белый интерьер. А тут именно то, что было в нашем детстве – ковры, стулья в цветочек, хрустальные люстры, полированные столы. Такое же, но... как бы это сказать – не такое. Как будто настоящее. А то было копией.

Я робко присела на краешек дивана, стащила пуховик и положила рядышком.

Напротив на стене висел огромный телевизор. На низком столике стояла ваза с цветами. На салфеточке! На стенах висели картинки с пасторальными пейзажами. Очень умиротворяющая обстановка, если не думать о стоимости дома.

Из дверей, ведущих вглубь дома появился Петров, стягивающий с шеи галстук, потом распахивающий пиджак.

– Эй! – надеюсь, он не здесь собрался стриптиз устраивать?

– Планы меняются! – объявил он. – Бухаем прямо тут!

– Почему это? – подозрительно спросила я.

– Звонил мой брат в законе, как его по-нашему-то? Сво-
як? Нет? Не помню. Брат жены, короче. Сказал, что заедет. Я
ему рассказал, что тебя встретил, и он тоже попросился при-
соединиться. Я подумал, чего мы попремся в шумный паб?
Посидим тут с вискарем, поболтаем как следует. Алекс нор-
мальный, я вас познакомлю. Он русский хорошо знает.

Русский меня просто добил. Я расхохоталась.

– Он небось решил проследить, чтобы ты его сестре не
изменял!

– Я? Изменял? – изумление на лице Петрова было таким
искренним, что я тут же успокоилась насчет его развратных
намерений. Похоже, он и правда был просто рад мне, без вся-
ких подводных камней. – Оригинальная мысль!

Он еще немного похмыкал и начал расстегивать рубашку.

– Алекс вообще нормальный. Ну то есть псих, но нор-
мальный. Он закончил курс по русской литературе, выучил
язык и решил, что теперь должен изучить филологию на язы-
ке оригинала. И поступил в МГУ. Сам! На филфак, пред-
ставь? – Петров скинул рубашку и сел на стул, чтобы снять
ботинки. Я сглотнула, глядя на его безупречный пресс, на ко-
тором прорисовывалась каждая положенная мышца. Сколь-
ко там кубиков должно быть? У него были все!

– А я на филфак пошел, потому что там материна подруга

работала, она меня натаскала перед вступительными, я и поступил. Ну еще потому что парень, наверное. Мы там с Алексом были единственными представителями мужского пола.

– Воображаю... – протянула я, не в силах указать Кольке, что вот сейчас он, полуголый, без рубашки, в одних брюках, открывающих эти косые мышцы, уходящие под ремень к паху – это прямо настолько неприлично круто, что кажется же не изменять он будет, хочет или нет...

– Да нет, – отмахнулся Петров. – Ничего особенного. Я ж обычный задрот был, а вот на Алекса охотился не только наш курс, на него охотился весь факультет, включая преподавательниц. Ну ты сейчас его увидишь, а тогда он вообще был сладкий мальчик, да еще и британец. Если б он был беззубым и косым, его бы все равно ловили, в девяностых-то. Подожди, я сейчас!

Он подхватил рубашку, пиджак, галстук и ботинки с носками и опять умотал куда-то. Послышалось гудение. У них тут и лифт есть, что ли? А как же викторианские особняки? И их нетронутая древность?

Снова уселась на диванчик, на этот раз поглубже и сложила руки на коленях. Хотелось бы их помыть, и раз уж мы тут остаемся, может, душ принять, но было как-то неприлично спрашивать.

– Слушай, а ты где остановилась? – Петров появился из очередного, нового, закоулка дома.

Он был в свободных черных штанах и белой футболке, которая обтягивала его грудь достаточно, чтобы я не забывала зрелища восьми кубиков. — Я подумал — тебя потом до гостиницы подбросить? Мы ж ужремся... Мне надо понять, Дэвида насовсем отпускать или пусть дежурит.

— Ээээ.

Мне было неудобно. А какие альтернативы?

— Я в хостеле, — призналась смущенно. Отдельные номера в Лондоне стоили почти как билет на самолет. Иногда — туда и обратно.

— О, слушай, ну тогда оставайся! Тут слава богу двенадцать спален, у меня столько гостей сроду не бывало, — Колька распахнул нижние дверцы буфета и принялся рассматривать поблескивающую темным стеклом батарею бутылок. — С чего бы нам начать... Ты смущаешься, что ли?

Он повернулся ко мне с двумя бутылками сразу. Я действительно смущалась. Мне очень хотелось согласиться, конечно. Хостел был на окраине, а транспорт в вашем Лондоне стоит ой-ой. Но вот так встретить человека, с которым не виделась двадцать лет и тут же поселиться у него дома — это как-то чересчур.

— Эй, слушай, это нормально, тут так принято! Некоторые годами у знакомых живут, потому что ближе до учебы или работы, или бассейн нравится. Кстати, у меня есть бассейн!

Хочешь?

– Купальник я зимой в Англию точно не брала, – пробормотала я практически про себя.

– Завтра свозим тебя за багажом, а сейчас пьем! – провозгласил Колька и выставил передо мной обе бутылки. – Ирландский или шотландский?

Я пробовала только паленую «Белую лошадь», честно сказать, поэтому ткнула наугад в зеленую бутылку.

– Значит шотландский, – заключил Петров, относя вторую обратно в шкаф. – Так. Я пока пойду соображу чем закусывать, а ты иди на второй этаж и в любую спальню там забуривайся. Хочешь, душ прими, только быстро!

Интересно, подумала я, поднимаясь на второй этаж и «забуриваясь» в первую же попавшуюся комнату, он с детства был такой идеальный, если вспомнить наши детские разговоры о том, что нас делает похожими и то, как он притаскивал мне половину бабушкиных пирожков, или его тут в стране победившего равноправия жена хорошо воспитала?

Комната была очень светлой и лаконичной. Никаких восточных ковров и комодов. Белые стены, полы из светлого дерева и огромная кровать. С белоснежным бельем как в гостинице. На вид такая мягкая, что мне захотелось тут же в нее нырнуть и поспать пару часиков. Я все-таки успела утомиться от своей прогулки до Биг Бена. Но Петров ждал меня на импровизированную встречу выпускников и пришлось с сожалением сгрузить на пол рюкзак и направиться в ванную.

Которая оказалась размером больше чем моя комната на восемь человек в хостеле, И там была не только душевая кабинка и унитаз. Там было биде, огромная ванна, диван и даже телевизор. Я согласна была жить там вместо любой гостиницы. Но пришлось с сожалением отказаться и от ванны. Скинув шмотки, я заскочила в душ и с наслаждением смыла с себя лондонскую грязь. Что там той грязи, конечно... Но вода смыла заодно и усталость.

Вот только...

Я вышла из душа и поняла, что мои восторги по поводу идеальности Петрова были преувеличены. Влезать обратно в джинсы не хотелось страшно. И футболка теперь, по сравнению с благоухающей нежными ароматами малинового мусса для душа мной, отчетливо пахла потом.

В джинсы я еще кое-как впихнулась, не став надевать белье. На ночь постираю. А вот футболку надевать было совсем невыносимо. И бюстгальтер тоже. Ладно, бюстгальтер тоже нафиг, не такая уж у меня большая грудь, обойдусь.

То, что в голову мне пришла именно эта мысль, нельзя объяснить ничем иным кроме того, что я надышалась уже виски сквозь закупоренную бутылку. Я решила выстирать футболку и высушить ее феном. Потому что потому. Ну не могла я ее надеть!

Я надеялась, что получится быстро. Оно, в общем, и по-

лучилось. Просто в тот самый момент, когда я стояла в проеме двери ванной голыми сиськами наружу в одних джинсах и сушила феном переднюю часть футболки, чтобы побыстрее в нее нырнуть и досохнуть уже по пути, дверь в комнату открылась и вошел Прекрасный Принц.

Ну, мне так показалось.

Вокруг него не пели птицы и не сверкали звезды, зато у него были прозрачные серые глаза, медового цвета волосы, в беспорядке падающие на плечи, и даже более божественное тело, чем у Петрова. Хотя казалось бы – куда еще!

Принц застыл в дверях. Он выглядел моим близнецом – джинсы, обнаженная грудь и футболка в руках. Только у меня еще и фен, так что он победил в номинации самого сексуального зверя, а я – самой глупой курицы. Я даже заорать забыла, настолько обалдела. А он только открывал и закрывал рот, ничего не говоря, и пялился прямо на мою грудь. Не отрываясь вообще!

Я наконец сообразила прикрыться влажной футболкой и он, лишенный зрелища, посмотрел мне в глаза.

Ах, как ты хорош, черт!

– Сорри! – с наглым видом, даже не думая, например, вый-

ти, сообщил он мне. И дальше как будто кто-то переключил тумблер, перешел на русский: – Я так понимаю, ты подруга Ника? Та, которую он встретил сегодня в городе?

– Ага, – тупо сообщила я. Футболку надо было надеть, но я не представляла, как это проделать под его взглядом. И вообще тупила все сильнее.

– А я Алекс.

– Очень приятно, – сообщила я и даже дернулась протянуть ему руку, но это тут же открыло ему вид на мою грудь и я снова прижала к себе футболку.

– Мне тоже, – нагло ухмыляясь, сообщил Алекс. Кажется, он нисколько не смущался.

– А что вы тут делаете? – продолжила тупить я.

– Вот зашел освежиться. Обычно я останавливаюсь в этой спальне. А тут ты.

– Вы, – автоматически поправила я.

– Никогда не понимал разницы. Мне говорили, что это очень важная вещь и невозможно постичь русский язык во всех нюансах без понимания этого момента, но меня как будто переклинило.

Он говорил очень чисто, только некоторым словам придавал как будто призрачные дополнительные ударения, из-за чего они казались не совсем русскими. Но стоять полуголой в компании полуголого мужчины и рассуждать о лингвистике было немного странно.

– Быть может, вы выйдете? Я оденусь, – сообщила я ему

наконец набравшись смелости.

– Твоя футболка все еще мокрая, – безапелляционно заявил он. Вообще я по ходу беседы стремительно пересматривала свой взгляд на британцев как вежливую нацию. Или он в России поднабрался плохого?

– Хотите беседовать, пока она не высохнет сама собой? – зло спросила я.

– Нет, хотел предложить тебе заглянуть в шкаф, там висят мои запасные рубашки и взять любую, чтобы не замерзнуть, – очень серьезно сказал он, но в серых глазах плеснуло веселье. – А я пойду выберу себе другую спальню, раз у нас так совпали вкусы.

И действительно ушел. И даже дверь прикрыл.

Я закрыла глаза, медленно выдохнула. Положила фен на столик и бросила футболку в рюкзак. Ну ладно. Воспользуемся щедрым предложением и позаимствуем его рубашку.

И вот когда я была на полпути к шкафу и без возможности чем-то прикрыться, дверь вновь распахнулась и на пороге возник все тот же Алекс.

– Совсем забыл! – сообщил он, ухмыляясь, пока его глаза жадно ощупывали мою грудь. Прикрываться руками казалось мне глупым, поэтому я так и осталась стоять. – Мне же тоже нужна рубашка, я хотел по твоему примеру принять душ.

Он так и прошел в комнату, прошествовал мимо меня – неприлично близко. И наконец перестал лапать взглядом мою грудь, потому что распахнул шкаф, в котором на плечиках висели белоснежные рубашки и достал две вешалки.

– Держи, – протянул он мне одну из них. – Будет очень приятно посмотреть на тебя в ней. До сих пор в моей одежде ходили только мои любовницы.

И взглядом показал мне все, что я могла бы представить в роли его любовницы наутро после страстной ночи. Вот прямо кино промелькнуло в наглых серых глазищах и там была я в различных позах и он со своим рельефным торсом, и утро, где он мне приносит кофе и выдает свою рубашку.

Я схватила вешалку и прикрылась ею.

Смешок.

Он вообще ничего непристойного не делал и даже, в сущности, не говорил. Все абсолютно невинно – будь он моей подругой, я бы даже не задумалось, что происходит что-то не то. Но он не был подругой!

– Может быть, вы все-таки выйдете? – взмолилась я наконец. – Вы меня смущаете!

– О, ну конечно! – как будто только сейчас это понял, сообщил Алекс. – Немедленно убираюсь! Буду рад тебя видеть внизу, Ник уже наготовил еды, а я принес пиццу. Она наверное уже остыла.

Да, самое время сообщить о пище.

И он вышел.

Я, уже не надеясь на его благородство, метнулась в ванную и задвинула тяжелую щеколду. Мне не то, чтобы было стыдно, в конце концов, я взрослая женщина, мало ли меня мужчин видели голой, но ненормальность ситуации несколько мучила. Не припомню, чтобы в книгах о нравах англичан было описано что-то подобное. И даже в подкастах от Биби-си про британскую жизнь. И спросить-то не у кого, что происходит.

Но как бы то ни было, я все-таки сняла рубашку с плечиков и надела ее на себя. И даже успела застегнуть пуговицы, когда поняла всю подставу.

Нет, она не была прямо прозрачной. На мужчине, особенно под костюм, она смотрелась бы как положено, и воротничок с манжетами у нее были очень плотные и очень белые. Но вот остальное... Остальная ткань льнула к телу, обрисовывая каждый его изгиб и чуть-чуть, едва заметно, просвечивала. Так, что было видно, что белья под рубашкой нет. А если бы встали соски, то привлекли бы к себе все внимание.

Ну здрасте. Что за провокация?! Мне реально в этом выходить?

Хотя какие у меня еще варианты? Едва выстиранная футболка все еще казалась была влажной и те же соски под ней

выступали бы с не меньшим успехом. Так что я смирилась и все-таки решила идти так. А завтра заберу вещи, и фиг кто меня вытряхнет из толстенного худика на два размера больше!

Когда я спустилась вниз, в гостиной уже были открыты не одна, не две, а пять разных бутылок виски, на диване благоухала пицца – с тремя разными вкусами, а на столике стоял поднос с нарезанным сыром, вяленым мясом, маслинами и фруктами. И Петров с Алексом сидели по-турецки почему-то на полу, причем Алекс был не в утащенной рубашке, а в розовой футболке с надписью. На лице моем видимо отразилось возмущение, потому что он нагло ухмыльнулся, глядя мне прямо в глаза.

– О, Коркина, подходи садись! – обрадовался Колька. – Ой, нет, прости, ты же Семенова. Чудовищно непривычно так говорить.

– Ну и не говори. Что за мода по фамилии звать? – возмущилась я, подходя к ним и затрудняясь – тоже сесть на пол? Или мы переберемся за какой-нибудь стол как нормальные люди?

– Хорошо, – покладисто согласился Петров. – Буду звать Катей. Пойдемте в столовую, что ли?

Тут еще и столовая есть? А, ну да, в доме с двенадцатью

спальнями небось и бальный зал найдется.

– Давай сразу в кинозал! – бодро предложил Алекс.

Тут есть кинотеатр? Вдобавок к бассейну. Зашибись люди живут.

Колька с сомнением осмотрел разложенную еду.

– Давайте сначала поедим, а потом с закусками туда пойдем? Может быть, мы пообщаться захотим, а не фильм смотреть?

Мне-то что...

– А в темноте было бы веселее... – протянул Алекс, в упор глядя на меня.

Я вот вообще не очень поняла, что это он за внезапный сексуальный террор мне устроил? Причем не то, чтобы с далеко идущими целями, иначе как-то дотронулся бы и вообще дал понять, что ему интересно со мной перейти к постели, а вот просто подразнить и уйти.

– Так! – Колька уже разлил виски по квадратным толсто-стенным бокалам, совсем немного, на дне. Даже на пресловутое «на два пальца» не наберется. Даже на палец!

– Это у нас шотландский сингл-молт, восемнадцать лет выдержки, нотки фруктов и специй, – сообщил мне Петров. – Мой любимый, если честно. Хочется, чтобы тебе понравилось.

Алекс странно на него покосился, а я взяла бокал и тоже села на пол, прислонившись спиной к дивану. Разлили и остальным.

Алекс сразу выпил, Колька смотрел на меня с интересом.

Я дотянулась до блюда с закусками и утащила кусочек камамбера. Вонючего – ужас. Я даже засомневалась, вдруг он испортился? Нет, я все понимаю про такие сыры, но не могут же они НАСТОЛЬКО ужасно пахнуть? Ладно, закусить сойдет.

И я отважно сделала глоток, приготовившись закусывать.

О-о-о-о-о!

«То были ложные богини, я истиной красы не знал до ныне...»

Вот и все, что я могу сказать о своем первом опыте с дорогим виски.

Это был словно жидкий огонь. Словно янтарный рай. Словно тепло родного дома. Это был пушистый рыжий котенок среди алкогольных напитков!

В общем, я поняла, что пропала. Мир никогда не будет прежним, а от алкоголизма меня спасет только бедственное финансовое положение.

Кажется, я застонала.

– Понравилось? – радостно улыбаясь, спросил Петров. – Я в тебе не сомневался.

Я посмотрела на Алекса. Он очень внимательно смотрел... на моего одноклассника. Не на меня. И что-то в его глазах мне очень не нравилось.

– Так, давай сюда бокал, – Колька забрал его и отставил в сторону, взял новый. Налил из следующей бутылки. – Посмотрим, как тебе это.

Я решила, что маленькая пауза мне не повредит и подтащила к себе поближе коробку с пиццей. В голове шумело и катался приятно тяжелый меховой шар.

Пицца была с ветчиной и совершенно, невыносимо ужасной! Как будто туда бухнули самого дешевого кетчупа вместо томатного соуса. Ну да, знаменитая английская кухня, как я могла забыть. После божественного огня в бокале есть это было кошунством. Но оказывается, я дико проголодалась и мне уже было все равно – я набросила на еду.

– А я думал, в России уже нет недостатка в еде, – поигрывая бокалом, ехидно сказал Алекс.

– В России нет, – прожевав кусок, ответила я. – А в Англии голодно.

И тоже нагло на него посмотрела. Он опустил голову, скрывая улыбку, Петров хохотнул.

– Так тебе, друг мой. Не все же над беззащитной Донной

издеваться. Это моя жена, – пояснил он мне. – И к несчастью, сестра этого чудовища. Но я ее спас от дракона!

Я приняхалась к новому сорту виски.

– Ирландский, односолодовый, четырнадцать лет. Тоже фрукты и специи, – сообщил Петров с гораздо меньшим энтузиазмом. – Давай, мне интересно.

Я уже давно отложила свой кусочек камамбера. Подальше. Он, правда, и там продолжал пахнуть, но алкоголь у меня быстро отбивал обоняние, так что я надеялась скоро справиться с этой проблемой.

Сделала щедрый глоток и как большая покатала во рту светло-янтарную жидкость. Это тоже был огонь, но не такой нежный и уютный. Он был резче, ярче, требовательнее. Не успокаивал, а зажигал. Ах, ирландцы.

– Ну как?

– По-другому... – задумчиво ответила я.

– По-другому плохо или по-другому хорошо? – требовательно спросил Петров.

– Не решила, – призналась.

– Ла-а-а-адно, – протянул Колька. – Тогда третий!

Он достал следующий бокал. Вокруг нас начинало скапливаться слишком много пустой посуды. Это почему-то меня рассмешило. Так, широко улыбаясь, явно захмелевшая, я и взяла из рук Петрова бокал, но почему-то зависла на сере-

дине процесса, коснувшись его руки. Забыла кто кому должен отдавать виски и в самом деле тормозила.

Но выглядело это двусмысленно. Тот самый момент, когда пробивает молнией от прикосновения пальцев, ага.

Видимо, Алекс эту сцену так и увидел, потому что угрожающе откашлялся.

– Милая Кейт! – воскликнул он. – Давайте же, выпей, мне интересно твое мнение!

Но в серых глазах мне почудилась сверкнувшая угроза. Я быстро отдернула руку, то же самое сделал Петров и бокал с виски покатился по ковру, разливая содержимое.

– Ой, прости! – я подобрала ноги с сожалением смотрела, как впитывается остро пахнущая жидкость в светлый ковер. Пятно будет.

– Ничего, сейчас, – Петров будто не заметил ничего, подхватил бокал и налил заново. – Алекс, тебе того же?

– Мне можно водки, – мрачно сказал Алекс.

– Не порть нам веселье, – отрезал Петров достаточно жестко. Впервые с момента встречи я увидела в нем человека, который реально мог построить свой бизнес в Лондоне после Амурска, а не просто влиться в семью и получить этот дом и дорогую машину и место в компании в качестве свадебного подарка. И как ни странно, именно сейчас я наконец по-настоящему узнала своего мрачного одноклассника с общего фото – и заботливого мальчишку моего детства. Не зря

говорят значит, что суровость – у русских истинная суть. В ней есть то, что делает нас – нами.

Ну и кроме того, я уже была пьяна достаточно, чтобы испытать нежную ностальгию.

Но следующий бокал тоже взяла.

– Это торфяной виски, он совсем другой. Хотя моя жена считает именно этот сорт очень женским, – прокомментировал снова улыбающийся Петров.

А я осторожно принялась. Торфяной?

Он действительно пах землей и прелыми листьями. Так пахнет торф? Это должно быть прикольно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.